ИНВЕСТКЛИМАТ И БОРЬБА ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: УРОКИ 1990-Х ДЛЯ ДНЯ СЕГОДНЯШНЕГО

А.Конопляник, д.э.н., профессор, член Научного совета РАН по системным исследованиям в энергетике

В конце сентября в двух российских столицах прошли 2 интересных представительных мероприятия, оба с активным участием банковского сообщества.

23-26 сентября состоялся XXIII Международный банковский форум в Санкт-Петербурге, организованный *Ассоциацией банков России (АБР "Россия"*). В день открытия на нем выступили председатель *Банка России Эльвира Набиуллина* и глава *ВТБ Андрей Костин*. Они обсудили инфляцию, инвестиционный климат, кредитование и ситуацию в банковском секторе.

Глава *ЦБ Эльвира Набиуллина* заявила, что высокая инфляция много лет беспокоит *ЦБ* и граждан, но умеренно жесткая денежно-кредитная политика (ДКП) не препятствует кредитованию (не уточнив, что оно идет не на развитие, а на вынужденное пополнение оборотных средств и на обслуживание растущего из-за высокой ключевой ставки корпоративного долга). Глава *ВТБ* назвал инфляцию главным врагом экономики, и сказал: "… чтобы инфляция не росла, нам нужно минимизировать количество денег в экономике", то есть уменьшить спрос (покупательную способность населения). Он заявил также об ухудшении инвестиционного климата, но связал это с внешними ударами по инфраструктуре и вопросами с правом собственности.

А 26 сентября в Москве состоялось заседание Научно-консультативного совета *Отделения Общественных Наук РАН* и *Ассоциации российских банков (АРБ*, не путать с *АБР*) на тему "Реформы начала 90-х годов", на котором, в частности, обсуждалась тогдашняя логика формирования инвестклимата в ТЭК России, благоприятного для прямых производственных инвестиций и запуска экономического роста в стране, и почему не получилось задуманное.

Думаю, результаты этого обсуждения, в котором я принял участие, и опыт начала 1990-х, к которому также имею непосредственное отношение, могут быть полезными уроками и для сегодняшних реалий. Они настоятельно требуют перенесения акцента в текущей ДКП, нацеленной на снижение инфляции мерами, которые параллельно убивают экономический рост (подавление спроса при стагнации предложения), на стимулирование инвестиций для запуска экономического роста и технологического перевооружения ключевых отраслей материального производства, то есть на расширение предложения на новом технологическом уровне. Это также ведет к уменьшению разрыва между спросом и предложением и снижению инфляции, но по иной экономической траектории. А в перспективе это может (должно) привести и к возможному превышению предложения над спросом, чтобы стимулировать производителей к дальнейшему снижению издержек, выходу на внешние рынки для обеспечения "эффекта масштаба" с целью удержания и повышения конкурентоспособности своей продукции (как на внутреннем, так и на внешних рынках) на новом техническом уровне. Именно так я вижу реализацию поставленной *Президентом* задачи безусловного обеспечения технологического суверенитета страны и достижения там, где возможно, российского технологического первенства. А это обеспечивается только и исключительно за счет реализации новых инвестиционных проектов. В том числе в отраслях ТЭК, которые сегодня, как и тогда, в 1990-е могли быть, как и в будущем (энергия будет нужна всегда) могут быть локомотивами экономического роста. Как через развитие инвестпроектов в самих отраслях ТЭК, так и в сопряженных с ним обрабатывающих отраслях, опираясь на спрос на новое отечественное оборудование (чтобы не попасть в очередную импортную технологическую зависимость после недавней вынужденной англо-саксонской и наползающей добровольной текущей китайской), другие товары и услуги со стороны ТЭК.

Сегодняшняя же ДКП, проводимая совместно *ЦБ* и *Минфином*, имеет своим прямым результатом торможение экономического роста через высокую, универсальную (единую для потребительского и инвестиционного кредитования) и запретительную для производственных инвестиций ключевую ставку (роль *ЦБ*) и через расширение номенклатуры и повышение ставок налогов, то есть регулярный пересмотр и ужесточение налоговой системы, что также подавляет производственные инвестиции (роль *Минфина*).

ЦБ опирается на представления своего главы, что инвестиции должны осуществляться из прибыли компаний, а не за счет кредитов. Поэтому-де высокая ключевая ставка не является препятствием для инвестиционной деятельности. Хотя, думаю, понятно, что инвестиции из прибыли всегда будут отстающими, запаздывающими, ибо прежде, чем что-то из нее проинвестировать, эту прибыль нужно заработать, на что, как минимум, потребуется время. Поэтому инвестиции из прибыли – это всегда догоняющее развитие, в отличие от инвестиций за счет кредитов, которые могут обеспечить развитие опережающее (необходимое для достижения технологического суверенитета и, задача максимум, технологического лидерства).

Более того, мировая практика финансирования инвестиционных проектов, особенно в капиталоемких отраслях ТЭК, говорит о тенденциях, противоположных представлениям главы *ЦБ*. Как правило, порядка 70% инвестиций в нефтегазовые проекты (а они сегодня всегда капитало- и наукоемкие, высокотехнологичные) – это заемное (долговое), так называемое "проектное" финансирование под будущую выручку самого проекта, а 30% – корпоративное финансирование, то есть использование средств акционеров проектной компании, которые в значительной степени также являются кредитными ресурсами, только под обеспечение существующими активами компаний-акционеров проекта.

Через финансовую составляющую издержек производства высокая ключевая ставка перекладывается на компанию-производителя (реципиента кредитных ресурсов) с дополнительным негативным эффектом − через еще более высокую ставку коммерческого кредитования. Так, при ключевой ставке **14%** (на своем заседании 23 октября Совет Директоров *ЦБ* сохранил ее на этом уровне) стандартный кредит для юридических лиц обходится примерно в **18%** годовых (например, кредитная привязка "ключевая ставка + 4 процентных пункта" распространена в кредитовании малого бизнеса), но может быть и выше в зависимости от залога, типа программы и надежности заёмщика. Это делает его (и других компаний-производителей) продукцию более дорогой и менее конкурентоспособной, ведет к сжатию конкурентного рынка, сокращению (или прекращению, или отказу от начала) выпуска продукции и торможению тем самым экономического роста. А *Минфин* опирается на стремление собрать как можно больше налогов здесь и сейчас для пополнения бюджета, невзирая на то, сколь эффективно или, наоборот, неэффективно используются далее, напрямую или через ФНБ, собранные налоги в виде бюджетных расходов. При этом, расширяя номенклатуру и повышая ставки налогов, *Минфин* игнорирует "кривую *Лаффера*", пройдя на практике ее пиковое значение и войдя в зону, когда дальнейшее совокупное увеличение номенклатуры и ставок налогов ведет не к росту, но к уменьшению налоговых сборов. Это − результат сокращения налогооблагаемой базы как за счет вынужденного закрытия действующих производств, не выдержавших возросшей налоговой нагрузки, так и за счет рукотворного вытеснения таким образом части производств в серую (а то и в черную) зону из категории законопослушных налогоплательщиков. Мы проходили это в 1990-е годы, когда для решения текущих финансовых проблем страны, *Минфин* и другие ведомства стали резко увеличивать номенклатуру налогов и сборов, которая на пике, в середине того десятилетия, достигла в нефтегазовом комплексе **47** наименований при том, что сумма издержек и налогов в нефтянке для компаний на некоторое время превысила цену реализации добываемой нефти.

Плюс при запретительном налогообложении начинается борьба за разнообразные индивидуальные налоговые льготы, победителями в которой оказываются, как правило, компании, либо обладающие наибольшим административным весом (ресурсом), так или иначе связанные с действующей властью, либо те, кто использует коррупционные механизмы получения льгот. А вовсе не обязательно те, чьи проекты обладают наибольшими прямыми и мультипликативными эффектами для экономики страны, реализовать которые им мешает действующая ДКП, проводимая *ЦБ* и *Минфином*.

Похоже, руководство этих ведомств не извлекло уроков из опыта 1990-х по вытаскиванию страны из финансово-экономического кризиса. Поэтому я хочу поделиться некоторыми важными, на мой взгляд, соображениями на этот счет, в том числе из собственного опыта, так как в начале 1990-х работал в *Правительстве Гайдара* в должности замминистра топлива и энергетики и отвечал за внешнеэкономические связи и прямые иностранные инвестиции.

Итак, вернемся к показательному опыту 1990-х в ТЭКе…

Первой срочной задачей тогда было восстановить фонд бездействующих скважин в нефтяной отрасли, сдержать падение добычи нефти после пиков 1984/1988 г. Но до 1996 г. привлечь международное коммерческое финансирование напрямую российским компаниям было невозможно: для этого было необходимо иметь кредитные рейтинги от каких-либо двух из трех международных признанных рейтинговых агентств (*Moody's, Standard & Poors, Fitch*), а Россия получила свой первый международный кредитный рейтинг лишь в 1996 г., и он был в области спекулятивных значений.

Поэтому поначалу в стране было только 2 источника инвестиций, оба иностранных: основной − кредиты международных финансовых институтов (МФИ) и вспомогательный − совместные предприятия (СП). Получателем кредитов МФИ (*Международного банка реконструкции и развития* − *МБРР, Европейского банка реконструкции и развития* − *ЕБРР*) и *Эксимбанков* (США, Японии) было государство (институт госгарантий), а коммерческого кредитования в рамках СП − иностранные их участники.

К середине 1990-х гг. в России насчитывалось около **70** зарегистрированных СП российских нефтедобывающих объединений с западными компаниями, как правило, 2-го/3-го эшелона, в основном из США. Из них реально действовало

порядка **40** (на пике 43). Инвестиции от них были точечными, незначительными.

И была целая линейка льготных кредитов *МБРР* с софинансированием *ЕБРР* и других кредиторов на закупку оборудования для восстановления фонда скважин. В 1993-1994 гг. были получены $866 млн в рамках Первого и $1 млрд в рамках Второго "Нефтяных реабилитационных проектов"; $1,3 млрд в рамках проекта по утилизации ПНГ; пополняемая кредитная линия на $2 млрд от *Эксимбанка* США; отдельный кредит $300 млн на восстановление скважин от *ЕБРР*. Сумма этих кредитов собиралась "снизу-вверх" суммированием потребностей от конкретных скважин, обеспеченных будущей добычей. То есть, по сути, эти кредиты представляли собой первый опыт проектного финансирования (под будущую выручку проекта) в нефтянке, ТЭКе, стране. Они помогли преодолеть спад добычи нефти в России.

Один только "Первый нефтяной реабилитационный проект", реализация которого началась в середине ноября 1993 г. (льготный, по ставке LIBOR, которая в то время составляла 3,8%, долгосрочный, на 17 лет, кредит 3-м нефтедобывающим объединениям – *Варьеганнефтегазу, Когалымнефтегазу, Пурнефтегазу*), был направлен на восстановление **1400** неработающих скважин, замену более **1000** км трубопроводов, утилизацию ПНГ и др. Он позволил России увеличить добычу нефти на **12** млн тонн/год, что было эквивалентно ежегодному генерированию выручки в размере $1,5 млрд, что за один год вдвое превышало объем кредита.

Однако для наращивания добычи, освоения новых месторождений в старых, а тем более в новых районах (Западная Сибирь, север Европейской части страны, Сахалин), были нужны многомиллиардные инвестиции в расчете на единичный проект. Поэтому были нужны эффективные инструменты стимулирования новых и защиты существующих инвестиций в рамках традиционных механизмов финансирования освоения таких проектов. А это – проектное (заемное) финансирование, под будущую выручку пока несуществующего (или существующего только на бумаге, в пакете юридически обязывающих документов) проекта.

Прямым инвестициям (и отечественным, и иностранным) нужен благоприятный (обеспечивающий приемлемую норму рентабельности с учетом всех рисков), предсказуемый, неизменный во времени как минимум до завершения периода окупаемости инвестпроекта (т.е. устойчивый) инвестрежим/инвестклимат, минимизирующий некоммерческие риски. А они связаны преимущественно с госрегулированием (с коммерческими рисками компании умеют справляться сами). В ТЭКе эти риски особенно высоки из-за рентного характера добывающих отраслей (природный фактор) и наиболее высокой капиталоемкости проектов по добыче и транспортировке энергоресурсов на переработку и конечному потребителю.

При принятии закона "О недрах" в феврале 1992 г. удалось убедить депутатов *Верховного Совета* принять норму (ст.12) о множественности инвестиционных режимов недропользования в стране, имея в виду лицензионный – с изъятиями и без, концессионный, режим соглашений о разделе продукции (СРП). То есть фактически сформировать матрицу 4-х инвестрежимов недропользования по координатам: право – административное и гражданское, налогообложение – универсальное и индивидуализированное. Чтобы стимулировать постоянное улучшение инвестрежимов в конкурентной борьбе между ними за инвестора.

Затем удалось сформировать и провести через *Госдуму* законодательство о СРП (закон "О СРП" был принят в декабре 1995 г. и вступил в силу в январе 1996 г.). Этот режим недропользования оказался тогда, в период относительно низких мировых цен на нефть, наиболее предпочтительным для инвесторов, как российских, так и иностранных, поскольку предлагал механизм взаимоприемлемого распределения ресурсной ренты по каждому проекту между принимающей страной-собственником ресурсов недр и инвестором-недропользователем. Кстати, за рубежом в недропользовательских проектах российские компании работают с тех пор именно на условиях СРП.

СРП – это:

- гражданское право (равноправность сторон соглашения);

- индивидуализированное по-проектное распределение ресурсной ренты через механизм раздела продукции (заменяющий, как правило запретительное, налогообложение) таким образом, чтобы инвестор-недропользователь мог покрыть понесенные им затраты и получить приемлемую норму прибыли с учетом всех обоснованных рисков, а государство-собственник ресурсов недр – забрать всю оставшуюся часть ресурсной ренты;

- скользящая шкала раздела на период реализации проекта, которая согласуется в рамках состязательных переговоров сторон: государства-собственника ресурсов недр и инвестора-недропользователя;

- неизменность стартовых условий соглашения на весь срок его реализации, невозможность одностороннего, тем более ретроактивного изменения его условий. Но, как и в случае долгосрочных контрактов на поставку на рынках нефти и газа, обе стороны, в случае существенного изменения внешних условий, могут по согласованию провести состязательные переговоры по изменению условий СРП;

- предсказуемость будущих доходов от проекта для обеих сторон – государства и инвестора.

Российский СРП – это инструмент привлечения отечественных и иностранных инвестиций в ТЭК на основе национального (!) режима инвестиций. А через них (предлагался механизм) − в сопряженные с ТЭК отрасли обрабатывающей промышленности для их модернизации, чтобы российский ТЭК мог работать на российском оборудовании, чтобы косвенные и мультипликативные эффекты от инвестпроектов в российском ТЭК оставались в России.

Основная идея СРП – обеспечить проектное финансирование инвестпроектов в ТЭК, которые характеризуются (особенно в нефтегазе) повышенными рисками из-за рентного характера и высокой капиталоемкости этих отраслей. То есть нужна высочайшая гарантия возврата заемных средств. Механизм СРП ее обеспечивал, что подтверждается привлекательностью СРП для российских и иностранных компаний, работающих в России.

Опрос *Правительства* и *Госдумы* в 1996 г. среди этих компаний показал, что они были готовы разрабатывать на условиях СРП в стране (в том числе перевести с лицензионного режима на режим СРП) более **250** инвестпроектов освоения месторождений, в том числе 232 нефтегазовых. Это создавало "эффект масштаба" для потенциального размещения заказов на оборудование среди российских машиностроительных предприятий − в случае его конкурентоспособности.

Масштаб принадлежащей государству будущей (предсказуемой и гарантированной) совокупной доли прибыльной нефти по проектам СРП "перспективного перечня", давал возможность профинансировать модернизацию/реконструкцию отечественного машиностроения в интересах нефтегаза для обеспечения конкурентоспособности производимого оборудования. А это – высокотехнологичное, наукоемкое, инновационное оборудование, которое ранее преимущественно импортировалось. Так как привлечение кредитов для такого финансирования будет обеспечено государственной долей прибыльной нефти, это давало возможность подтянуть в машиностроение дополнительные частные инвестиции, сверх объемов госдоли прибыльной нефти, в рамках частно-государственного партнерства.

Такой "перспективный" перечень участков недр предлагал проведение конкурсов и переговоров на предмет заключения СРП по объектам, содержащим 38% промышленных запасов нефти и 7% газа страны. Суммарный спрос на инвестиции нефтегазовых объектов "перспективного" перечня составлял по крайней мере $130-140 млрд, или от $13-14 до $22-23 млрд в год (при средней продолжительности цикла капиталовложений для месторождений нефти и газа от 6 до 10 лет).

Для сравнения: возможности госбюджета по финансированию проектов в ТЭК в 1997 г. − 1,4 трлн руб или $0,25 млрд.

После принятия законодательства о СРП, по согласованию с тогдашним главой *ЦБ С.Н.Дубининым*, часть команды разработчиков законодательства о СРП во главе с автором пришла в 1996 г. в *Российский банк реконструкции и развития (РБРР*, создававшийся как "внучатый" национальный банк в трехуровневой системе *Всемирного банка: МБРР*; региональные банки развития − *ЕБРР*, Азиатский, Африканский и др.; национальные банки развития – *РБРР* как один из них), для его превращения в банк проектного финансирования нефтегазовой отрасли (а через нее – сопряженных с нефтегазом машиностроительных отраслей) на основе проектов СРП "перспективного" перечня. Т.е. была идея превратить *РБРР* в институт эффективной реализации СРП в стране и интенсификации высокотехнологичного экономического роста в ТЭК и машиностроительных отраслях, де факто в межотраслевой "институт развития".

Для этого разработанный бизнес-план обновленного *РБРР* предусматривал в нем блокирующий госпакет (25% + 1 акция), чтобы государство имело возможность направлять деятельность банка и его частных акционеров в нужное ему русло. Была достигнута предварительная договоренность о возможном вхождении в капитал *РБРР* (при блокпакете в нем государства) *Европейского банка реконструкции и развития*, компании *Роснефть.*

Однако ни с СРП, ни с *РБРР* не получилось, как задумывалось. Почему? Если кратко − не дали…

Сначала Председатель *Правительства* подписал Постановление, в соответствии с которым доля государства в *РБРР* составила 25% (то есть государство не получило в нем блокирующий пакет). Частные акционеры получили "конституционный пакет" 75% и "свободу рук". Поэтому возможность делать быстрые деньги в рамках "государственной финансовой пирамиды ГКО" (*Г.Тосунян*), доходность которых доходила на пике до 140%, переманила частных акционеров *РБРР* на рынок Государственных казначейских обязательств, они отказались заниматься "длинными инвестпроектами", а государство, не имея блокпакета, не смогло их остановить. Потом дефолт 1998 г. и *РБРР* (несостоявшийся межотраслевой банк развития) обанкротился.

Против СРП последовательно выступали 2 нефтяные компании (*ЮКОС* и *Сибнефть*). Они готовили слияние (компанию *ЮКСИ*) и дальнейшую продажу крупного пакета акций объединенной компании (40%) американским *Экссону* или *Шеврон*. Собственники *ЮКОСа* и *Сибнефти* купили свои компании на "залоговых аукционах"

дешево, а хотели продать американским грандам дорого, особенно когда на рубеже веков начался рост мировых цен на нефть. А западные гранды предпочитали бы вкладывать деньги напрямую в проекты СРП, а не покупать акции российских приватизированных компаний, чтобы получать доступ к проектам. Поэтому *М.Б.Ходорковский* с коллегами пролоббировали принятие такой версии Главы 26 "Налогового кодекса", которая фактически заблокировала возможность реализации проектов СРП. Остались и действуют в России только **3** проекта СРП, заключенные до принятия закона о СРП (с отлагательной оговоркой об их вступлении в силу после принятия закона о СРП) – 2 Сахалинских и Харьяга.

Но 2 государственных ведомства также были против СРП. *Минфин* всегда выступал против СРП со своей мантрой "выпадающих доходов бюджета". А тогдашний глава *Минэкономики Греф* (ведомства, назначенного *Президентом* страны "главным за СРП" на сахалинской конференции "СРП-2000") возмущался: "Где я возьму столько переговорщиков со стороны государства для конкурсов и переговоров на предмет заключения СРП по объектам перечня"?

Таким образом, вектора интересов противников СРП сошлись в его неприятии и окно возможностей для его реализации захлопнулась. Консолидированная сила противников, движимых своими частными интересами, оказалась сильнее сторонников запуска инвестиций на связке СРП+*РБРР*, организации через ТЭК модернизации машиностроительных производств в стране. Возможность запуска экономического роста через формирование благоприятного инвестклимата и адекватного института развития на основе проектного финансирования множества системообразующих инвестпроектов в ТЭК страны была сознательно упущена.

Не упустить бы и сегодня под рукотворным предлогом борьбы с инфляцией и "перегретой экономикой" возможность запуска экономического роста в нашей стране. Есть ли сегодня в стране аналог режима СРП по той степени надежности и предсказуемости экономико-правовой среды для реализации многомиллиардных (неважно в какой валюте) инвестиционных проектов в энергетике, отраслевые риски которых существенно превышают риски реализации инвестпроектов с других отраслях, в которых отсутствуют геологически риски? Для меня ответ очевиден – их нет. Пусть кто-нибудь предложит разумную адекватную (или лучшую) альтернативу режиму СРП для сырьевых отраслей … Для России – крупнейшей в мире страны с богатейшими природными ресурсами, сырьевые отрасли, являющиеся стартовой основой любой поизводственно-сбытовой цепочки, всегда будут оставаться основной экономического суверенитета России.

Полагаю, различные ограниченные послабления запретительного национального инвестрежима для коммерческих инвестиций в рамках довольно забюрократизированных разрешительных процедур (СПИКи, ТОРы и т.п.) – дело явно недостаточное для запуска опережающего мировые темпы экономического роста. А именно такую задачу постоянно ставит *Президент* страны.

Сегодня нет разумной адекватной системной альтернативы искусственно умерщвленному инвестрежиму СРП, который многажды оболган в СМИ, с регулярными ссылками, в частности, на единственное (разовое!) негативное высказывание *Президента* в адрес (внимание!) не инвестрежима СРП как такового, а в адрес конкретного руководства конкретной переговорной команды с российской стороны (правда, без указания имен), которая вела переговоры и согласовывала конкретные условия первого из двух сахалинских проектов СРП. Которые, в свою очередь, были первыми в российской истории из потенциальной линейки 232 нефтегазовых проектов СРП, которые российские и иностранные компании, работавшие во второй половине 1990-х годов в России, готовы были разрабатывать в нашей стране. Поэтому, справедливости ради в отношении переговорной команды, подвергнутой критике *Президентом*, и вне зависимости от справедливости/обоснованности его упрека/"фигуры речи", скажу: у первых всегда могут быть (будут неизбежны?) ошибки – понятие "кривой обучения" (learning by doing) никто не отменял…

Следует понимать разницу между законодательно закрепленным инвестрежимом (экономико-правовым механизмом), общеприменимым для множества инвестпроектов (повторюсь, в конкретно исторических условиях второй половины 1990-х были обозначены заявки бизнеса на 232 таких проекта в нефти и газе и более 250 – в целом по минерально-сырьевым отраслям, а дали возможность реализовать только 3), с одной стороны, и конкретными параметрами его применения в рамках индивидуальных инвестпроектов из перечня. В частности – параметрами скользящей шкалы, которые обосновываются и согласовываются в ходе состязательных переговоров сторон, с пропорциями раздела продукции для обеспечения оптимального, то есть взаимоприемлемого с учетом всех рисков, пропорций распределения между сторонами СРП (государством-собственником ресурсов недр и инвестором-недропользователем) ресурсной ренты по данному конкретному проекту. При этом каждый отдельный проект характеризуется индивидуальными, специфическими характеристиками, определяемыми индивидуальной геологией и географией. Для этого нужны квалифицированные команды переговорщиков с обеих сторон. Поэтому я могу допустить

упреки, даже со стороны *Президента* страны, в адрес руководства отдельной переговорной команды с российской стороны.

Но нужно понимать и контекст. Единственное негативное высказывание *Президента* в адрес конкретного сахалинского проекта СРП *Сахалин-2* (за все время существования режима СРП в стране, на фоне большего числа позитивных высказываний в адрес этого инвестрежима) прозвучало в 2007 году в ходе встречи с западными журналистами в преддверие встречи "Группы семи". И прозвучало оно в конкретно-специфической ситуации тогдашнего сложного вхождения *Газпрома* в проект *Сахалин-2.* Это произошло после некорректного поведения компании *Шелл*, основного акционера проектной компании, по результатам международного скандала с ней в 2004 г. в связи с ее целенаправленно завышенной оценкой своих доказанных извлекаемых запасов по миру в целом. Экономические убытки от этого скандала (потерю части акционерной стоимости компании) *Шелл* попыталась компенсировать, в том числе, через намерение изменить в свою пользу пропорции раздела продукции на второй (наиболее капиталоемкой) стадии проекта СРП *Сахалин-2,* завысив для этого вдвое первоначальную смету второго этапа проекта. Что было своевременно выявлено и предотвращено российской стороной. Но при чем здесь сам режим СРП?

Как писал *Шота Руставели* в своей знаменитой эпической поэме "Витязь в тигровой шкуре", "Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны". Многочисленные критики режима СРП вплоть до настоящего времени продолжают оперировать "мифами и легендами", обвиняя режим СРП если не во всех, то во многих смертных грехах, в том числе приписывая ему несуществующие характеристики. Самая распространенная – что СРП это режим исключительно для иностранных инвесторов (что очевидная неправда – достаточно прочесть преамбулу, ст.1 и 3 закона о СРП), исходя, видимо, из того факта, что консорциум по проекту *Сахалин-2*, ставший победителем конкурса инофирм на освоение сахалинского шельфа еще в 1991 г. (когда ни соответствующих технологий, ни капиталов в стране просто не было) и запустивший с нуля этот проект в условиях полного отсутствия инфраструктуры, действительно состоял до 2007 г. только из иностранных инвесторов. Поэтому упреки в адрес СРП со ссылкой на всемерно раздуваемую разовую ситуативную реплику *Президента* и приведение в этом контексте просто не соответствующей действительности информации, – это (увы, успешный) отвлекающий маневр противников запуска экономического роста в стране под надуманными предлогами (типичное "окно Овертона").

Описанная в статье связка СРП+РБРР создавалась для запуска экономического роста в нашей стране в 1990-е годы в условиях системного кризиса, неизбежно сопровождавшего смену общественно-экономической формации. Эта связка не сработала по субъективным причинам. Сегодня Россия находится в не менее сложной ситуации, чем в 1990-е. Весь объединенный западный мир ведет против нас сегодня открытую экономическую войну и опосредованно, руками нынешнего украинского режима, прямые военные действия, горячую войну. Противостоять ему можно только интенсивным, опережающим экономическим развитием, причем не только в рамках военного сектора экономики на основе прямого бюджетного финансирования, но и опережающим экономическим ростом в мирных отраслях, на основе коммерческого внебюджетного финансирования, в том числе неинфляционного заемного (проектного) финансирования, один из механизмов которого предлагается и в этой статье (возможно, есть и иные).

Повторю *Президента*: экономический рост должен идти темпами выше среднемировых. МВФ (октябрь 2026 г.) ожидает рост мировой экономики в 2026 г. на отметке 3,1%, с последующим ускорением до 3,4% в 2027 г.; *ОЭСР* (сентябрь 2026) прогнозирует глобальный рост ВВП на уровне 2,9% в 2026 г. и 3,0% в 2027 г.; *Всемирный банк* оценивает рост развивающихся рынков и мировой экономики в диапазоне 2,5% – 2,7% в зависимости от сырьевой конъюнктуры и энергозатрат; Конференция *ООН* по торговле и развитию (ЮНКТАД) дает оценку глобального роста на уровне 2,6%. Однако в прогнозе *ЦБ* по итогам заседания его Совета Директоров от 23.10.2026 записаны темпы экономического роста страны 0,5–1,0% в 2026 г., 1,0–2,0% в 2027 г., 1,5–2,5% в 2028 и 2029 гг. Где здесь "темпы выше среднемировых"?

Как говорил в 1980-е гг. зав. отделом экономики основных отраслей материального производства *ИМЭМО АН СССР* в отношении экономического соревнования СССР и США – "Догоняя, отстаем…". Напрашивается нехорошая аналогия… Нынешняя ДКП (политика *ЦБ* и *Минфина*) убивает экономический рост, сжимает потребление, ведет к ухудшению жизненного уровня населения, то есть по сути является внутренними санкциями наряду с санкциями внешними от западных стран – прямых противников России, ведет к относительному отставанию экономического развития страны.

Данная статья имела целью показать, что в любых трудных условиях можно предложить работоспособные инструменты для запуска экономического роста. Надо только поставить именно такую цель.